

Шаньюань, праздник фонарей, выдался на редкость шумным. Даже в обычно пустынном Переулке цветущей сливы то и дело мелькали прохожие.

Нин Цзюэ вышел на главную улицу. Торговые ряды сияли праздничной иллюминацией, разноцветные огни превратили весь Цзинду в сказочное царство. Казалось, на улицы высыпал весь город: широкие проспекты были забиты ликующей толпой.

Кто-то играл, размахивая фонариками, кто-то жевал сладости, оживленно болтая с друзьями, кто-то направлялся к реке, чтобы пустить фонарь по воде, другие толпились у лавок, выбирая украшения или глаза по сторонам.

Глядя на это безмятежное веселье, Нин Цзюэ невольно улыбнулся. Впервые в жизни он так отчетливо ощутил живую, искреннюю радость чужих людей.

Мать всегда говорила, что семь чувств — это оковы, а шесть желаний — путы. С самого детства она учила его подавлять любые порывы, чтобы он не отвлекался на суету и мог всецело посвятить себя учебе.

И он не обманул её ожиданий. Семнадцать лет он не проявлял ни малейшего интереса к жизни: ни тяги к свободе, ни жажды новых впечатлений — всё, что могло помешать занятиям, он безжалостно отбрасывал.

Всё, чего не желала для него мать, он в себе искоренял.

Хотя, пожалуй, это было не искоренение, а сокрытие. Он прятал свои чувства в самых дальних уголках души, не позволяя никому о них узнать.

Нин Цзюэ лавировал в людском потоке, отыскал меняльную контору, разменял десять лянов серебра на мелкие монеты и медные деньги.

Убрав тяжелый кошель, он вышел на улицу и, проходя мимо лотка с масками, выбрал одну — лисью, с белым фоном, золотой каймой и красной подводкой вокруг глаз.

Нин Цзюэ от природы был хорош собой: длинные, притягательные глаза-персики в спокойном состоянии придавали ему холодный, надменный вид, а стоило ему улыбнуться — становились обворожительными и манящими. Когда он надел маску, его облик приобрел некую неземную, ускользающую грацию, отчего торговец, продавший ему маску, застыл с открытым ртом.

Расплатившись, Нин Цзюэ неспешно побрел дальше. Он разглядывал диковинные вещицы, и, несмотря на то что был один, совершенно не чувствовал себя чужим среди шумных компаний.

Река, опоясывающая четыре главных квартала Цзинду, была шириной в семь-восемь чжанов. По ней сновали прогулочные суда, а на берегу торговцы предлагали фонари для молитв. Дойдя

до этого места и увидев причудливые фонарики, Нин Цзюэ невольно остановился.

Прошло три дня, письмо матери должно было прийти. Впервые за семнадцать лет он разлучился с ней. Интересно, беспокоится ли она о нем так же, как о Нин Ляо?

— Юный господин, праздник Шаньюань, купите фонарик, чтобы помолиться за благополучие семьи! — зазывал торговец, расплываясь в улыбке.

Нин Цзюэ подошел и выбрал среди пестрого множества нежно-розовый фонарь в форме лотоса.

— Сколько с меня?

— Десять вэней.

Торговец ответил и протянул кисть, обмакнутую в тушь:

— Господин может написать на нем пожелание — о карьере или о мире, всё сбудется.

Нин Цзюэ взял кисть и аккуратно вывел: Оставить все горести позади, молю лишь о здравии матери.

Тонкие, изящные иероглифы, написанные мелким почерком, привели торговца в восторг:

— Юный господин, как же прекрасно вы пишете!

Нин Цзюэ лишь улыбнулся в ответ, положил кисть, расплатился и, забрав фонарь, пошел дальше.

В тот вечер многие пускали фонари. Огни, несущие надежды, покачиваясь, уплывали вдаль. Нин Цзюэ опустился на колени у кромки воды и опустил свой фонарь в реку.

Вода задрожала, подхватывая легкий цветок. Глядя, как фонарь, предназначенный матери, удаляется, он почувствовал, как пронизывающий холод ранней весны вдруг отступил, сменившись теплом.

Нин Цзюэ сел на каменные ступени набережной. Шум вокруг был таким манящим, что ему вдруг не захотелось возвращаться ни в поместье Нин, ни в Иньчжоу, ни к кому бы то ни было.

Люди проходили мимо, заканчивая свои ритуалы. Нин Цзюэ считал фонари в воде: сотня с лишним огней, сотня с лишним желаний. Интересно, если боги на небесах увидят их, взмахнут ли они рукой, исполняя всё, или выберут лишь одно?

А если только одно — заметят ли они его фонарь?

Уголки его губ приподнялись, и он сам рассмеялся над своими детскими мыслями.

В этот момент, среди тихого плеска воды, в поле его зрения вошла алая прогулочная лодка. На борту не было ни гребцов, ни пассажиров — судно дрейфовало по течению, раздвигая фонари. На палубе горели яркие фонари, колыхались шелковые занавеси, а над шумом ярмарки, не спеша и плавно, плыли звуки цитры.

В такой праздник на реке было много судов, но это выглядело куда роскошнее остальных. Должно быть, чей-то знатный отпрыск развлекается.

Нин Цзюэ не придавал этому значения. Фонари уплыли, он поднялся, собираясь сменить место.

Он сделал несколько шагов по ступеням, как вдруг мимо пронесся резкий порыв ветра, взметнувший его длинные волосы. Необъяснимый холод заставил его обернуться.

Вокруг по-прежнему царило праздничное оживление, но почему-то ветер стал холоднее, а атмосфера — острее.

Нин Цзюэ огляделся. По обе стороны набережной плотной толпой шли люди. Многие останавливались у перил, глаза на лодку, но все они были одеты как простые горожане, ничем не выделяясь.

Показалось?

Нин Цзюэ слегка нахмурился. Уже готовый отбросить тревогу и идти дальше, он краем глаза заметил на крыше полутемного здания слева черную тень.

Она мелькнула с невероятной скоростью и исчезла в мгновение ока, словно её и не было.

Нин Цзюэ хотел присмотреться внимательнее, как вдруг стрела, прорезав небо, на глазах у всех с огненным шлейфом вонзилась в палубу той самой большой лодки.

— Ох, стреляют!

Толпа в ужасе вскрикнула, и тут же со всех сторон полетели новые стрелы.

Наконечники их пылали, и как только они вонзились в дерево, судно мгновенно охватило пламя. Огонь бушевал, лодка раскачивалась, но музыка внутри не смогла прерваться. Казалось, тот, кто был на борту, даже не подозревал об опасности — никто не вышел наружу.

— Что происходит?

— Пожар! Чья это лодка? Там кто-нибудь есть?

— Не знаю, кто стрелял, но внутри слышны звуки, значит, люди там!

— Скорее, позовите стражу Цзинду!

— Они что, оглохли? Всё горит, а они не выходят!

Огонь разгорался всё сильнее. Прохожие столпились у берега, галдя и указывая пальцами. Наконец, с оглушительным треском деревянная дверь каюты разлетелась в щепки, и на палубу вышел высокий мужчина с поразительной внешностью.

На нем был сине-зеленый халат с узкими рукавами, темные волосы развевались на ветру. Он ступал уверенно, а за его спиной бушевало пламя, окутанное густым дымом. В отблесках огня он казался небожителем, проходящим через суровое испытание — стоял на носу лодки, словно готовый вознестись на небеса.

Кто-то с берега кричал ему прыгать в воду. Нин Цзюэ прищурился, вглядываясь в огонь, и узнал его: это был тот самый человек в черном, которого он видел несколько дней назад на представлении с огнем.

Неизвестно, кому он перешел дорогу, раз на него напали прямо в праздник Шаньюань.

Пока он размышлял, мужчина на лодке пришел в движение. Он пнул шест, которым управляли судном, в воду, явно намереваясь использовать его как опору, чтобы спрыгнуть.

Толпа на берегу затаила дыхание, наблюдая за его плавными движениями. Но едва его нога коснулась шеста, раздалось несколько свистящих звуков — в него полетели стрелы.

Стрелы несли в себе смертоносную ярость, а у мужчины не было оружия для защиты. Все решили, что сейчас его пронзит насквозь, но он, используя инерцию шеста, совершил прыжок, сальто в воздухе, уклонился от стрелы слева, а при приземлении резко качнулся назад, позволяя стреле справа уйти в воду.

— Вот это мастерство!

— Не глазейте, опасно! Уходите!

Толпа вскрикнула. Кто-то продолжал смотреть, кто-то толкался, кто-то бежал.

Стрелы продолжали сыпаться. Шест не выдержал веса мужчины, и тому пришлось отступить обратно на пылающую лодку.

Нос судна был пуст, огонь до него еще не добрался. Мужчина был искусен в боевых искусствах, к тому же твердо стоял на ногах: изворачиваясь, он каждый раз чудом избегал смерти.

Стрел становилось всё больше. Видя, что он до сих пор не ранен, нападавшие потеряли терпение. Раздался пронзительный свист, и с крыш домов по обе стороны улицы спрыгнули пять или шесть фигур, сливающихся с ночной тьмой.

С мечами в руках они бросились на мужчину.

Тот не дрогнул. Перехватив на лету стрелу, он использовал её как оружие. Когда один из нападавших рубанул мечом, он увернулся и ударил того ногой под колено. Пока враг опустился на одно колено, мужчина вонзил стрелу ему в спину, оттолкнулся от него, как от опоры, и круговым ударом ноги сбил с ног другого.

В одно мгновение двое из шести нападавших были выведены из строя.

Остальные ринулись вперед. Мужчина отшвырнул раненого, выхватил у него меч и скрестил клинки с остальными теньями.

В зареве пожара мелькали фигуры. Нападавшие были хорошо обучены, но и их противник оказался не из слабых. Скрежет металла, быстрые выпады — никто не хотел уступать.

Зрителей на берегу становилось всё больше. В этой толкучке несколько человек, одетых как обычные горожане, но державшихся подозрительно, пробрались к парапету. Пригнувшись, они, прикрываясь толпой, подняли руки, целясь в фигуру посреди огня.

Легкий ветерок шевельнул их широкие рукава, блеснул металл.

Наручные клинки.

Семь или восемь человек целились в мужчину на лодке. Судя по направлению их ударов, они были заодно с теми, что в черном.

Нин Цзюэ нахмурился. Помочь?

Это банда головорезов, осмелившаяся сеять хаос в Цзинду. Ему, слабому книжнику, не стоит наживать таких врагов.

Но...

Хоть это и не было чем-то значимым, но тот мужчина однажды помог ему. Если он сейчас сделает вид, что ничего не замечает, не будет ли это своего рода неблагодарностью?

Будь что будет...

Нин Цзюэ тихо вздохнул, быстро поднялся по ступеням и нашел на набережной тележку торговца фонарями.

— Господин, я куплю всё, что есть на вашей тележке. Сколько с меня?

Торговец был ошеломлен. Там, впереди, идет такая битва, все глазают, а этот юный господин решил заняться покупками?

Как бы то ни было, отказать покупателю он не мог:

— Вещицы-то недорогие, но если заберете всё, с вас пять лянов серебра.

Нин Цзюэ достал кошель, отсчитал семь лянов и протянул торговцу:

— Два ляна сверху — за саму тележку.

Торговец еще не успел опомниться от неожиданности, как Нин Цзюэ уже катил тележку прямо в гущу толпы.

<http://bllate.org/book/21783/2252431>